

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В.Ф. ШАПОВАЛОВ

Восприятие России на Западе: мифы и реальность

"Для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством. Даже Толстой и Достоевский привлекают западного культурного человека, как экзотическая пища, непривычно для него острая", - писал Н. Бердяев [1, с. 9]. Приведенные слова относятся к 1915 году. Думается, однако, что они ярко характеризуют одну из устойчивых тенденций западного восприятия России. В них можно усмотреть также указание на то, что на Западе сложился некоторый особый образ, функция которого - преломлять российские реалии. Образ России в глазах Запада (как и всякий образ вообще) может не обладать портретным сходством с оригиналом или такое сходство может быть весьма отдаленным. В большинстве случаев образ подчиняется собственным закономерностям возникновения, функционирования и развития. Но именно это свойство делает его особенно ценным как для понимания оригинала, так и в более широком культурно-мировоззренческом и практическом смысле. То, как Россия воспринимается людьми других культурных регионов, в частности людьми Запада, позволяет взглянуть на нее со стороны, под новым, порой неожиданным углом зрения. Знание особенностей того, что думают о нас другие, важно для практических целей: без такого знания невозможно полноценное общение и сотрудничество.

За правило следует принять неторопливость в оценке чужого мнения. Важно научиться чутко вслушиваться в голоса других - даже в том случае, если это голоса недоброжелателей. К сожалению, не вслушивание и не внимательное изучение, а торопливая оценка стала нашей традицией в отношении к мнениям иностранцев о России. Эта традиция укрепилась и пышно расцвела в советское время, когда нетерпеливо и резко отвергались мнения западных авторов о России, идущие вразрез с официальной советской идеологией. Но и многие нынешние "демократы" воспринимают всякую мысль с Запада, в том числе мысль о России, не раздумывая - не иначе как истину в последней инстанции.

Добиться того, чтобы образ России в глазах Запада стал по преимуществу положительным, невозможно только лишь прямым опровержением мнений, представляющихся нам ложными. Тем более нельзя постоянно прибегать к резким "отповедям", выражению негодования, хотя, по-видимому, без этого полностью не обойтись. Не следует, с другой стороны, полагать, что положительный образ России в глазах Запада и всего мира сформируется автоматически, "сам собой", по мере движения по пути демократии, рынка и т.д. Конечно, надо надеяться, что успешное развитие России

будет способствовать росту позитивных тенденций в западном восприятии страны. Однако уповать на автоматизм этого процесса не приходится, прежде всего потому что образ, о котором идет речь, отнюдь не простое прямолинейное отражение российских реалий: на его характер оказывают влияние разнообразные, в том числе самые неожиданные, факторы. Чем определяются особенности западного восприятия России? Какова динамика изменения образа России в глазах Запада? Каковы устойчивые параметры этого образа? Насколько мы в состоянии способствовать формированию собственного положительного образа, не поступаясь национальным достоинством, национальными интересами и безопасностью? Таков круг вопросов, которые подлежат краткому рассмотрению в настоящей статье.

1. Общая характеристика западного восприятия России

Не будет большим преувеличением утверждать, что к своему "открытию России" Европа шла длинным путем. Резкий рост интереса европейцев ко всем сторонам жизни восточного соседа можно датировать лишь периодом, следующим за наполеоновскими войнами, - 20-30-ми годами XIX столетия. Конечно, Россия всегда привлекала к себе внимание Европы. Об этом, в частности, свидетельствуют записки многочисленных западных путешественников периода Московского царства, петровского и екатерининского времен. Наиболее известными стали произведения о России таких авторов, как С. Герберштейн ("Записки о Московии", 1517), А. Кампенезе ("Письмо к Папе Клименту VII о делах Московии", 1528), Г. Штаден ("Страна и правление московитов", 1576), Ш. Массон ("Секретные записки о России времен царствования Екатерины II и Павла I"), баронесса Ж. де Сталь ("Записки о России", 1812) и др. В большинстве случаев отчеты иностранных путешественников и наблюдателей отличаются неподдельным интересом к России, ее народу, обычаям и традициям. Трудно отказать авторам в наблюдательности, в умении подметить разнообразные детали, в том числе важные и существенные. В этом смысле записки названных авторов и ряда их современников в определенной мере не утратили своего значения и до сих пор. Однако российские наблюдения западных писателей вплоть до 20-30-х годов XIX века в общем и целом укладываются в рамки этнографических зарисовок, разбавленных хроникой происшествий, светских интриг, размышлениями автора. Эти произведения ничем принципиально не отличаются от множества этнографических этюдов, оставленных западными путешественниками периода великих географических открытий и посвященных ранее неизвестным Западу народам Америки, Африки, Востока.

С 20-30-х годов XIX века существенно изменяется отношение к России несомненных западноевропейских авторитетов того времени Г. Гегеля и А. Токвиля. Токвиль, в частности, писал в 1835 году: "В настоящее время существуют на Земле два великих народа, которые, начав с разных точек, приближаются, по-видимому, к одной цели: это русские и англо-американцы. Оба они выросли незаметно; и когда взоры людей были обращены в другую сторону, они вдруг заняли место в первом ряду между нациями, так что мир почти в одно время узнал об их появлении и их величии.

Все другие народы, по-видимому, почти достигли пределов, предназначенных им природой; их задача только сохранять приобретенное. Но эти два народа находятся еще в периоде роста. Все остальные остановились или подвигаются только с большими усилиями; лишь они одни идут легко и скоро по пути, которому глаз еще не может видеть конца" (цит. по [2, с. 156]).

Не менее показательны слова Гегеля: "Остальные современные государства, как может показаться, уже более или менее достигли цели своего развития; быть может, у многих кульминационная точка уже оставлена позади и положение их стало статическим. Россия же уже теперь, может быть, сильнейшая держава среди всех прочих в лоне своем скрывает небывалые возможности развития своей интенсивной природы" [3, т. 2, с. 407].

Очевидно, что "новое открытие" России Западом связано со значительностью ее роли в разгроме Наполеона и последующим активным участием в европейских делах,

ростом военного и экономического могущества, значительной территориальной экспансией в сторону Европы, в частности с приобретением Финляндии и части Польши. Ранее популярные в Европе язвительные слова Д. Дидро о том, что "русские сгнили прежде, чем созрели", стали не актуальны. Кроме того, европейцы поняли, что Россию уже невозможно рассматривать отстраненно, так, словно это далекая страна, не имеющая или почти не имеющая отношения к жизни Европы и могущая служить только лишь предметом этнографической любознательности. Активная европейская и международная роль России требовала выработки более обстоятельного и осмысленного взгляда, включающего в себя определенное отношение к ней - положительное или отрицательное. Став значительным фактором европейской жизни, Россия неизбежно должна была стать и предметом оценивающего, т.е. заинтересованного взгляда европейцев.

Начиная с 20-30-х годов XIX века именно такой пристально-оценивающий взгляд характерен для западноевропейских авторов, посвятивших свои труды изучению России. Российская тема теперь все больше занимает не только путешественников и писателей, но и политиков, социологов, философов. В той или иной мере не сходит она и со страниц периодической печати Запада. В 30-40-е годы XIX века окончательно оформляются основы того западного мифа о России, который с некоторыми модификациями остается в силе и до наших дней, определяя собой отношение к России среднего человека Запада.

Я употребляю слово "миф" не как синоним ложного знания или ошибочного представления, а в широком философском смысле - как совокупность стереотипов сознания, основанных по преимуществу на вере и не подверженных осознанной рефлексии при обычном ("нормальном") течении жизни. Миф играет важную роль в жизнедеятельности человека, так или иначе определяя (хотя и не целиком) все стороны человеческого бытия. Наибольший интерес представляют коллективные мифы, выражающие некоторые идеализированные представления данной общности людей о ее особенностях, ее месте в мире и об отношении к другим общностям. Именно такой коллективный миф о России, характерный для среднего западного человека, и будет нас интересовать в первую очередь. О коллективном мифе можно судить, конечно, лишь по высказываниям отдельных людей, но предметом нашего специального интереса останется некоторая общая картина, складывающаяся из разнообразных высказываний многих лиц.

Забегая вперед, отмечу, что западный миф о России никогда не сводился к представлениям примитивного типа, к грубой и всецело негативной схеме. Даже в самые мрачные времена наибольшего охлаждения отношений, такие как период холодной войны между Западом и Советским Союзом, представления западного человека о России носили сложный, многообразный и неоднозначный характер. В них причудливо сочетались противоположные оценки, эмоции, мнения: высокомерная снисходительность и уважение, страх и восхищение, подчеркивание слабостей и признание силы, отношение к России как к культурной периферии и осознание всемирного значения ее культурных достижений и т.п. Конечно, надо полностью отдавать себе отчет, что содержательное ядро этого мифа составили представления о России как оплоте деспотизма и агрессивности. Однако было бы ошибочным сводить все его содержание к западным пропагандистским клише времен холодной войны или к известному тезису администрации президента Р. Рейгана об СССР как "империи зла", так или иначе оказавшемуся адресованным не столько Советскому Союзу, сколько непосредственно России. Несомненно, что тоталитарный период российской истории наложил существенный отпечаток на представления западного человека. Характеристики тоталитаризма нередко автоматически переносились на Россию - они оказались в ассоциативной связке.

Тем не менее надо учитывать, что коллективный миф целиком не определяется политикой и не зависит от нее настолько, чтобы непосредственно следовать за колебаниями политической конъюнктуры. Миф обладает относительной независимостью

от переменчивости политического климата, поскольку является феноменом многосторонним и многообразным. Его характерной чертой следует считать относительную устойчивость на протяжении весьма длительного исторического времени.

Ядро западного мифа о России составляют, несомненно, представления о ней как стране внутреннего деспотизма и внешней агрессивности. Американский автор М. Малия отмечает: «На Западе российская традиция, будь то при царях или при Советах, обычно вызывала чисто павловский рефлекс: "деспотизм" и "шовинизм" дома вели к "экспансионизму" и "империализму" за границей. Столь же рефлексорным было суждение, что эти характеристики вечны и неизменны» [4, с. 417]. Надо с сожалением заметить, что происшедшее в России крушение тоталитаризма и демократические преобразования в общем и целом *не привели* к радикальной перемене западного взгляда на Россию. Тот же автор пишет: «После крушения коммунизма часть представителей западного общественного мнения отказывается уверовать, что московский медведь и в самом деле сменил шкуру и полагает, что он скоро может вернуться в обличий русского "фашизма»» [4, с. 418]. Думается, что эти опасения в немалой степени преувеличены. Однако они лишней раз свидетельствуют об устойчивости и исключительной живучести сложившихся представлений, об их известной независимости от общественно-политических процессов, актуально протекающих в России, и от того, как представляются эти процессы самим россиянам.

Запад обнаружил, что Россия - это особый мир. Соприкасаясь с российскими реалиями, западный человек, как правило, легко убеждается, что различия между Россией и Западом гораздо значительней, чем между отдельными странами Западной Европы. Очевидно, что Россия не укладывается в рамки западной цивилизации. Столь же очевидным для людей Запада является факт, что Россия не может быть отнесена и к Востоку, хотя в ряде случаев подчеркивается восточное происхождение черт российской культуры. По меньшей мере с XIX века Россия все больше представляла перед Западом как особая вселенная, во многом загадочная и непонятная, исключительно своеобразная и разнообразная, с особым образом жизни и мысли, культурой и традициями. Со второй половины XIX века на Западе появляются серьезные обобщающие труды, посвященные всестороннему изучению России. Среди тех, кто внес особый вклад в изучение России, нельзя не упомянуть таких авторов, как А. Леруа-Болье ("Империя царей и русский народ", в 3-х т., 1881-1889), С. Грэхэм ("Неизвестная Россия", 1912; "Меняющаяся Россия", 1913; "Россия и мир", 1915; и др.), М. Бэринг ("С русскими в Манджурии", 1905; "Один год в России", 1907; "Русский народ", 1911; "Главные истоки России", 1914), Б. Пэрс ("Россия", 1915), Р. Райт ("Русский народ", 1917) и др.

2. Динамика западного восприятия России

При всей своей устойчивости и относительной неизменности образ России, оформившийся на Западе, конечно, не остается неподвижным настолько, чтобы совершенно не реагировать на исторические изменения. Сохраняя устойчивое ядро, этот образ подвержен известной динамике, обусловленной как изменениями, происходящими на Западе, так и масштабными сдвигами в самой России. В этой связи можно отметить, что в общем и целом к началу XX века в западном сознании происходили перемены, благоприятные для образа России. Взгляд западного человека на Россию становился все более избавленным от узости, от того, чтобы видеть в ней исключительно страну деспотизма и агрессивности. Это было обусловлено не только политическими реформами 60-70-х годов XIX века и демократическими преобразованиями 1905-1917 годов, но и целым комплексом других причин. В частности, западные авторы постепенно научились видеть за фасадом политического деспотизма живой образ России. Обнаружилось, что и в рамках политической несвободы может существовать духовная свобода, могут существовать своеобразная культура и творчество.

Перемену во взглядах на Россию легко обнаружить, если сопоставить знаменитые записки А. де Кюстина "Россия в 1839 году" с любым из названных выше произве-

дений, относящихся к концу XIX - началу XX столетия. Если у Кюстина едва ли можно найти положительное высказывание о России, сделанное без сводящих его на нет оговорок, то в работах более поздних авторов очень многое в российской жизни оценивается положительно. Резко негативное содержание записок французского маркиза следует объяснить не только исключительной предвзятостью или возможным политическим заказом, направленным против России - что вполне вероятно (см. [5, с. 12-14]). Более важным представляется то, что избранный им способ рассмотрения России - с точки зрения общественно-политического устройства - не мог породить иных выводов и оценок. Действительно, что можно было увидеть положительного в николаевской России, если смотреть на нее только и исключительно с позиций наличия или отсутствия политической свободы? Кюстин же поступает именно так. и всюду он обнаруживает политическую несвободу и ее последствия.

Между тем в России XIX века (в отличие от тоталитарных режимов XX века) в относительной независимости от политической системы существовали обширные пласты жизни, не охваченные политическим деспотизмом. Обнаружить и исследовать эти пласты удалось авторам не столь политизированным, как Кюстин. Они, в частности, обратили внимание на то, что при отсутствии политической демократии может существовать достаточно развитая бытовая демократия, возникают образцы высокой и своеобразной духовности, культуры, литературы и искусства. Положительные черты в западном образе России были связаны с достижениями русской культуры конца XIX - начала XX века, с получавшим все большую известность творчеством Л. Толстого, Ф. Достоевского, П. Чайковского и др., с Серебряным веком русской культуры, такими событиями культурной жизни, как дягилевские сезоны в Париже и т.п.

Новая эпоха в эволюции образа России на Западе начинается после 1917 года. Особенности западного восприятия России советской заслуживают отдельного разговора. В общем плане следует отметить, что всецело негативный образ русского коммунизма сформировался на Западе далеко не сразу. Длительное время западное общественное мнение колебалось в своей оценке коммунистической системы. Наглядным примером могут служить записки о Советском Союзе таких авторов, как Л. Фейхтвангер и А. Жид, побывавших в стране в 30-е годы практически одновременно. В картине первого преобладают положительные краски, в то время как второй подверг советскую жизнь беспощадной критике. Тотальное отрицание российского коммунизма, хорошо известное нам по 70-80-м и последующим годам, - явление сравнительно позднее, пришедшее на смену надеждам и ожиданиям, возлагавшимся немалой частью западной интеллигенции на возможности общественного строя, установившегося в России.

Таким образом, можно констатировать, что западное восприятие России, претерпевая историческую эволюцию, в отдельные периоды в большей или меньшей степени склонялось к положительной оценке культурно-исторической сущности России. Однако при всех условиях Россия воспринималась как нечто отличное от Запада, как особый мир, обладающий собственными неповторимыми характеристиками, образом жизни, ментальностью и культурой. Устойчиво сохранялось и представление о России как стране деспотизма во внутренней и агрессии во внешней политике. Так, в 1914 году, т.е. в период, когда западный мир склонялся к относительно положительному восприятию России, именно ссылками на "монголо-византийскую" опасность, которую Россия якобы представляла для Европы, аргументировали немецкие социал-демократы свое решение голосовать за военные кредиты. И это при том, что дружественные западной социал-демократии в России того времени партии были весьма влиятельны, о чем было широко известно.

3. Способен ли Запад понять Россию?

Сложность и противоречивость взаимоотношений России и Запада, наличие неоспоримых фактов взаимного отчуждения и непонимания порождают ряд проблем, без решения которых невозможно объяснить фундаментальные черты порожденного Западом образа России. В частности, возникает предположение о том, что Запад органи-

чески не способен понять Россию. Речь идет о понимании в герменевтическом смысле, который вкладывается в термин "понимание" философией жизни, т.е. в смысле "вживания", "вчувствования", постижения духа иной культуры. Конечно, в отношении Запада к России, как и к любой другой стране, присутствуют соображения политического и экономического расчета. Вследствие этого образ России может подвергаться намеренным искажениям. Но в свете нашей темы первоочередной интерес представляют не они, а те модели восприятия, которые рождаются спонтанно и обусловлены коренными свойствами ментальности и культуры. Мысль о том, что Запад органически не способен понять Россию, распространена достаточно широко.

И. Ильин, например, выдвигает три основные причины этого. Первая связана с языковыми трудностями. Русский язык не принадлежит кромано-германской группе и к тому же вытеснен из основной части Европы, не распространен в ней: «русский язык стал чужд и "труден" западным европейцам. А без языка народ народу нем ("немец")» [6, с. 58]. Вторая причина состоит в том, что Западу чужда русская (православная) религиозность. Европой искони владел Рим, - сначала языческий, потом католический, "воспринявший основные традиции первого". В русской же истории была воспринята не римская, а греческая традиция. Римская и греческая традиции и соответственно западная и русская во многом противоположны друг другу. Третья причина связана с особенностями мировосприятия и психологической структуры: "Западноевропейское человечество движется *волею и рассудком*. Русский человек живет прежде всего *сердцем, и воображением* и лишь потом волею и умом" [6, с. 58]. Наконец, обобщает аргументы Ильина мысль о том, что западной культуре не свойствен дар вчувствования и перевоплощения, без которого постижение иной культуры невозможно. Европейцы «понимают только то, что на них похоже, но и то искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно... Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим и загадочным "недоразумением"...» [6, с. 59].

В общем и целом соображения Ильина можно, видимо, истолковать как указание на существование реальных трудностей, стоящих на пути взаимопонимания существенно отличающихся друг от друга культур. Однако главный вопрос состоит в том, преодолимы ли эти трудности. Согласно мнению русского мыслителя, названные трудности непреодолимы в силу отсутствия у западной культуры "дара вчувствования и перевоплощения" [6, с. 59].

Представляется, что в этом пункте Ильин коренным образом не прав. Конечно, невозможно закрыть глаза, например, на тот общеизвестный факт, что исторически между западной и православной ветвями христианства существовали отношения взаимного недоверия, подозрительности и соперничества и католическому большинству, объединенному под властью Папы римского, привычно относиться к православным как к "схизматикам", т.е. раскольникам. Но речь в данном случае идет не о преодолении различий, а о понимании *при сохранении различий*. И хотя мысль русского философа почти дословно совпадает с признанием К. Ясперса о том, что "самоуверенность европейцев приводит к тому, что все чуждое воспринимается ими как курьез" [2, с. 90], вряд ли следует категорически отрицать за западной культурой способность к постижению духа иных культур.

Об этой способности культуры Запада свидетельствует, в частности, опыт западного общения с народами Востока, а также факт широкого развития на Западе философско-герменевтической проблематики, являющейся плодом поисков путей постижения духа иной культуры. Думается, что человек Запада действительно не склонен "перевоплощаться" в том смысле, что всегда сохраняет сознание своей личности, своей непохожести на других. В то же время в процессе общения, например с народами Востока, он отчетливо продемонстрировал умение постичь уникальность восточной культуры. В частности, западные авторы, обратившиеся к изучению Востока, не остановились на том, чтобы констатировать "курьезность" культур Индии, Китая, Японии и т.д., а пришли к выводу о присущем Востоку особом типе рациональности,

отличном от западного, но не менее оправданном, имеющем свою внутреннюю логику (см., например, [7]). История взаимоотношений западных стран и России также насчитывает немало примеров того, как люди Запада демонстрировали свое умение глубоко проникнуть в российскую жизнь, постичь дух нашей страны.

Таким образом, признание реальных трудностей взаимопонимания, в том числе связанных с различием в языке, с отличием православия от западного христианства, с особенностями западного и российского мировосприятия и др., отнюдь не равнозначно признанию принципиальной невозможности взаимного понимания. При наличии доброй воли человеку Запада вполне доступна российская специфика. Для нас же более пристальное внимание к тому, как воспринимается Россия человеком Запада, открывает не только возможность нового взгляда на Россию, но и путь к более глубокому постижению западной культуры. В этой связи представляет особой интерес то, какие аргументы выдвигаются западными авторами для подкрепления центрального западного тезиса о России - "как о стране внутреннего деспотизма и внешней агрессивности".

Автор знаменитой "Истории цивилизации в Англии" Г. Боклю объяснял представлявшуюся ему очевидной воинственную агрессивность России следующим образом: "Дурные нравы не более распространены в России, чем во Франции или Англии... Поэтому ясно, что Россия страна воинственная не потому, что ее население безнравственно, а потому, что оно необразованно. Беда в голове, а не в сердце" [8, vol. I, p. 177]. Таким образом, по Боклю, население России по своей природе не воинственно. Склонность к агрессивности возникает вследствие недостатка просвещения. Кюстин придерживался несколько иной точки зрения. Он выводил российскую склонность к агрессии из политического деспотизма. По его мнению, постоянное пребывание в условиях жесткой политической стесненности рождает стремление реализовать свой потенциал в агрессивной форме на международной арене: "Тому, кто имел несчастье родиться в этой стране, остается искать утешение в горделивых мечтах и надеждах на мировое господство... Россия живет и мыслит, как солдат армии завоевателей. А настоящий солдат любой страны не гражданин, но пожизненный узник, обреченный сторожить своих товарищей по несчастью, таких же узников, как и он" [5, с. 513, 514]. Такой серьезный современный исследователь России, как Р. Пайпс, связывает несомненную для него милитаристскую сущность страны с необходимостью постоянной колонизации, которая в свою очередь обусловлена, по его мнению, природно-климатическими условиями: "военная организация делалась просто необходимой, ибо без нее нельзя было проводить столь жизненно важную для народнохозяйственного благополучия России колонизацию" [9, с. 35].

Устойчивость западного представления о России как стране агрессивности и экспансионизма проявилась, в частности, в том, что внешняя политика Советского Союза рассматривалась нередко в качестве продолжения внешней политики царей, экспансионизм которой сомнению не подвергался.

Очевидно, что сегодня у Запада нет реальных оснований ожидать от России проявлений агрессивности. Однако с учетом инерции мышления нельзя быть уверенным в том, что он полностью избавился от подозрений подобного рода. Утрата образа внешнего агрессора деформирует самоидентификацию Запада как благодетеля человечества. А. Тойнби, в частности, отмечал, что если западный человек сумеет «хотя бы на несколько минут покинуть "свою кочку" и посмотреть на столкновение между Западом и остальным миром глазами огромного незападного большинства человечества», то он обнаружит непривычную для него картину: "Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все - русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные - ответят одинаково. Запад, скажут они, - это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии. Русские напомнят, как их земли были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 годах; народы Африки и Азии вспомнят о том, как начиная с XV века западные миссионеры, торговцы и солдаты осаждали их земли с

моря. Азиаты могут еще напомнить, что в тот же период Запад захватил львиную долю свободных территорий в обеих Америках, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке и Восточной Африке. А африканцы - о том, как их обращали в рабство и перевозили через Атлантику... Потомки коренного населения Северной Америки скажут, как их предки были сметены со своих мест..." [10, с. 156]. Особо примечательно в свете нашей темы, однако, то, что "у большинства западных людей эти обвинения вызовут удивление, шок и печаль и даже, вероятно, возмущение. Голландцы скажут, что они же ушли из Индонезии, а британцы - что они оставили Индию, Пакистан, Бирму и Цейлон... У британцев на совести не лежит никакой новой агрессии со времен войны в Южной Африке в 1899-1902-х годах, а у американцев - с испанско-американской войны 1898 года" [10, с. 156, 157].

Слова Тойнби, несомненно, ярко свидетельствуют о значительном различии в восприятии событий мировой истории Западом и остальным миром. Для нашей темы важно, однако, не то, что западный человек склонен не замечать собственной агрессивности, а то, что он обостренно воспринимает проявления агрессивности со стороны других. Даже незначительные агрессивные действия со стороны России или Китая вызывают исключительный страх и возмущение Запада. Что же касается собственных проявлений агрессивности, то они давно осознаны и подвергнуты осуждению в рамках самокритики западной цивилизации. Эта самокритика широко представлена в трудах западных мыслителей, от О. Шпенглера, А. Тойнби, Э. Фромма и многих других до современных авторов, и в той или иной мере стала достоянием массовой культуры. Для нас гораздо важнее принять во внимание факт болезненно-обостренного восприятия Западом агрессивности со стороны незападного мира, в том числе России. Склонность Запада видеть агрессивный замысел там, где, по мнению российской стороны, его нет, приходится принять как реальность, которую не следует игнорировать. Во всяком случае, если мы хотим создать положительный образ России в глазах западного мира и установить в отношении с последним стабильность и взаимопонимание, нам неизбежно придется считаться с особенностями западного мировосприятия, по возможности предупреждая подозрения в агрессивных устремлениях.

4. Западный миф о России и его структура

Напомню, что под мифом понимается устойчивая система стереотипов, основанных по преимуществу на вере и не подверженных осознанной рефлексии при обычном ("нормальном") течении жизни. Речь идет в первую очередь о коллективном мифе, выражающем устойчивые представления данной общности людей о ее особенностях, месте в мире и об отношении к другим общностям. Миф следует отличать от изолированных культурных стереотипов, которые могут и не сложиться в целостную систему. Так, внутри западного мира существуют определенные "семейные" стереотипы относительно особенностей национального характера: "все англичане высокомерны", "французы жадны", "итальянцы разговорчивы и многодетны" и т.п. Однако во всестороннюю и взаимосвязанную мифологическую систему они не складываются. Этому препятствует как географическая, так и культурная близость народов Запада. Миф предполагает определенную дистанцированность от мифологизируемой реальности. Тем самым само существование мифа свидетельствует о факте известной отчужденности объекта мифологизации по отношению к тем, кто является носителем мифа.

Изучение западного мифа о России, как и в целом образа России, бытующего на Западе, находится сегодня в начальной стадии. На это есть свои причины. На общем фоне невнимания к особенностям западного мифотворчества относительно России резко выделяется работа В. Елистратова "Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом)", опубликованная в первом номере ежегодника "Россия и Запад: диалог культур".

¹Значение этих ежегодников, выходящих под редакцией Тер-Минасовой и являющихся плодом сотрудничества ученых факультета иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова с учеными и представителями

Бытовой миф

Автор выделяет несколько структурных типов западного мифа о России. Первый из них условно назван бытовым. "Как правило, он выстраивается по этнографически-природоведческому сценарию, в него входят мифологемы, связанные с климатом и национальной психологией мифологизируемой страны. Сюда же могут входить эмблемы материальной культуры (водка, тройка, балалайка, самовар, матрешка и т.п.)" [11, с. 9]. Бытовой миф зарождается в рамках литературы о путешествиях. При кажущейся простоте задачи описания бытовой стороны жизни в действительности она исключительно сложна. «Дело в том, - отмечает Елистратов, - что понимание бытового уровня культуры требует вживания в себя. А поскольку организация быта в России с точки зрения цивилизации Запада стоит на достаточно низком уровне, то цивилизованный человек, как правило, не идет на бытовое снижение. Он предпочитает оставаться в искусственно созданных для него условиях (отели и т.д.) и занимает позицию пассивного наблюдения. Со стороны же многие явления бытовой культуры остаются неясными, а объяснения их в рамках привычных "цивилизованных" представлений еще больше их искажают» [11, с. 9].

Справедливости ради следует отметить, что внимательные западные исследователи России не ограничивались позицией стороннего наблюдателя, туриста. Некоторые из них провели здесь по несколько лет, разделяя с россиянами все неудобства и трудности повседневной жизни. Однако не их труды легли в основу бытового мифа о России. Серьезные и обстоятельные исследования не в состоянии изменить миф, поскольку он постоянно подкрепляется поверхностными впечатлениями туристов, дежурным набором достопримечательностей, рекламой, воспроизводится записками путешественников и т.д.

Литературный миф

Еще один структурный тип мифа - литературный. Он вырастает из западной интерпретации русской классической литературы. В основе литературного мифа лежит отождествление художественного мира русской классической литературы и российской реальности как таковой. Молчаливо предполагается, что по литературным образам можно с достоверностью судить о жизненных реалиях: литература равна жизни. При этом во внимание принимаются произведения, получившие признание на Западе, наиболее понятные и доступные западному менталитету. Это произведения таких авторов, как Ф. Достоевский, А. Чехов, И. Тургенев, А. Герцен, Н. Гоголь, Л. Толстой и др., но не, к примеру, С. Максимов, Н. Лесков, П. Мельников-Печерский и т.п.

Данный тип мифологического восприятия России распространен не только на Западе, но и среди части российской интеллигенции, которая его породила. В то же время многие русские мыслители писали о неправомочности прямого переноса образов художественной литературы на реальность. Уместно привести слова И. Солоневича, выдержанные в остро полемическом тоне: "Психология народа не может быть понята по его литературе, - писал он. - Литература отражает только отдельные клочки национального быта - и, кроме того, клочки резко окрашенные в цвет лорнета наблюдателя. Так, Лев Толстой, разочарованный крепостник, с одной стороны, рисовал быт русской знати, окрашенный в цвета розовой идеализации этого быта, и с другой - отражал чувство *обреченности* родного писателю слоя. Ф. Достоевский - быт деклассированного и озлобленного разночинца, окрашенный в тон писательской эпилепсии. А. Чехов - быт мелкой интеллигенции, туберкулезного происхождения. М. Горький - социал-демократического босяка. Л. Андреев - просто свои алкогольные

гуманитарной культуры Запада, трудно переоценить. Их отличает теоретическая глубина и независимость от текущей политической конъюнктуры. Они, несомненно, послужат углублению подлинного взаимопонимания между Западом и Россией.

кошмары. Алкогольные кошмары Эдгара По никто не принимает за выражение северо-американского духа, как никто не принимает байроновский пессимизм за выражение великобританской идеи. Безуховы и Болконские могли быть. Каратаевых и Свидригайловых быть не могло. Плюшкины *могли быть*, как могли быть и Обломовы, но ни один из этих героев никак не характеризует национальной психологии русского народа" [12, с. 22].

Солоневич пишет также и о том, что немцы накануне войны с Советским Союзом тщательно изучали русский национальный характер по произведениям Толстого, Чехова, Гоголя, Достоевского. Каково же было их удивление, когда вместо кающихся интеллигентов, Маниловых, Обломовых и т.п. их встретили крепкие мужики, непримиримо настроенные по отношению к оккупантам. Заметим, что фельдмаршал Паулюс, находясь в плену, признавался, что составил свое представление о России и народном характере на основе произведений Достоевского, герои которого воспринимались им как неуравновешенные, неврастенические личности, лишённые воли и не способные к решительному действию. По признанию Паулюса, он совсем по-иному отнесся бы к войне с Россией, если бы имел более точное представление об этой стране и ее людях.

Думается, что Солоневич впадает в противоположную крайность, утверждая, что художественная литература ни в коей мере не является свидетельством реальной жизни. Художественная литература может быть рассмотрена как исторический источник наряду с другими порождениями культуры своей эпохи. Но этот источник весьма и весьма своеобразен - и с этой точки зрения предостережения Солоневича вполне справедливы. В отличие от чиновника или ученого художник имеет право на вымысел, на выражение субъективного взгляда и, более того, именно этот субъективный взгляд автора интересен читателю. Поэтому беллетристика гораздо "гуще" окрашена "в цвет лорнета наблюдателя", по сравнению с другими документами и свидетельствами. Относиться к художественной литературе как к источнику знаний о реальности следует весьма осторожно и уж во всяком случае нельзя допускать прямого отождествления литературы с жизнью, рассматривать ее как непосредственное отражение национальной жизни.

К сожалению, взгляд на русскую классическую литературу как на прямой и непосредственный источник информации о российской реальности был закреплен официальной идеологией советского периода. С этих позиций изучалась (и продолжает изучаться сегодня) литература в школе, он широко распространен в стране и за рубежом. Думается, его причины заключены не в западнической ориентации части российской интеллигенции. Тем более - не в злом умысле какой-либо группы лиц, стремящихся опорочить Россию путем интерпретации едва ли не всей русской литературы в качестве злой сатиры на российское общество. Причины его лежат глубже. Они связаны, в частности, с явлением, получившим наименование *сакрализации* литературы.

Дело в том, что в XIX веке отмечалась сакрализация² культуры, прежде всего художественной литературы. Произведения литературы ценили за то, что они учили правильно жить, отвечали на актуальные вопросы. Литература заняла то место, которое раньше занимала религия. Вот как об этом пишет известный современный исследователь В. Страда: "В период конца XVIII - начала XIX века в России тоже начинается процесс сакрализации литературы, отмеченный в таких западноевропейских странах как Франция и Германия, являющийся своеобразной реакцией на потерю религией своего центрального места в социуме и на то, что можно назвать преобразованием религиозной энергии. С той лишь разницей, что в России этот процесс носил особый общественный характер, шел особенно интенсивно и длился значительно дольше. С такой сакрализацией, принявшей уродливые государственные формы в советский период, покончено только сейчас" [4, с. 30].

² От слова "сакральный", т.е. священный.

Сакрализация означала установление такого отношения к художественному тексту, которое характерно для отношения к текстам священным. Следовательно, художественный текст неправомерно лишился права на множественность равноправных интерпретаций, допускалась единственная, которая претендовала на каноничность. Именно такой поход к русской классической литературе был реализован отечественной критикой XIX века и закреплен в XX веке официальной советской идеологией. Он и лег в основу западного литературного мифа о России. Поэтому прав Елистратов, утверждая, что творцами западного мифа о России "... могут выступать (и чаще всего выступают) сами русские интерпретаторы. Западная позиция здесь в известном смысле пассивна: избирается лишь понятное и укладывающееся в намеченную ранее доминанту. Далее процесс мифотворчества практически прекращается: просто под данную схему подгоняется все новый и новый материал" [11, с. 11].

Западный миф активно эксплуатирует, например, творчество Гоголя. На примере трактовок его текстов можно выявить особенности той интерпретации русской литературы, которая является предпосылкой литературного мифа о России. Обратившись к краткому анализу устоявшейся интерпретации творчества Гоголя, можно выявить характерные черты того, что является предпосылкой мифа, и одновременно наметить основы альтернативного подхода.

Данный литературный миф опирается на заложенную еще В. Белинским интерпретацию Гоголя исключительно как реалиста и социального сатирика. Однако в свете иного подхода, возникшего в конце XIX - начале XX века, такая интерпретация представляется односторонней. Бердяев, в частности, писал: "Странное и загадочное творчество Гоголя не может быть отнесено к разряду общественной сатиры, изобличающей временные и преходящие пороки дореформенного русского общества... Творчество Гоголя есть художественное откровение зла как начала метафизического и внутреннего, а не зла общественного и внешнего, связанного с политической отсталостью и непросвещенностью" [13, с. 54, 55]. Отмечу, что для другого мыслителя - В. Розанова - творчество Гоголя оставалось мучительной загадкой, терзавшей его до последних дней. Однако именно Розанову принадлежит приоритет в пересмотре привычного взгляда на творчество Гоголя. Он, в частности, предпринял попытку проникновения в творческую лабораторию писателя с целью проанализировать процесс создания Гоголем тех жалких или откровенно уродливых персонажей - "ужасных харь и рож", которыми полны его произведения. По Розанову, гоголевский дар состоял в необычайной способности повсюду обнаруживать зло, которое под пером писателя приобретало самые гротескные формы [14]. Тот факт, что Гоголь именно создавал, конструировал своих персонажей, а не списывал их с натуры, подтверждается и его собственным признанием: "Эти ничтожные люди, однако ж, ничуть не портреты с ничтожных людей; напротив, в них собраны черты тех, которые считают себя лучшими других... Тут, кроме моих собственных, есть даже черты моих приятелей... Мне потребно было отобрать от всех прекрасных людей, которых я знал, все пошлое и гадкое, которое они захватили нечаянно" [15, с. 129].

Трактуя Гоголя как художника метафизического зла, читатель не вправе, конечно, заключать, что если, к примеру, в произведении писателя городничий наделен такими-то отрицательными чертами, то все или большинство городничих того времени были наделены описанными чертами. Тем более на основе творчества Гоголя он не вправе составить себе образ России едва ли не сплошь заселенной Хлестаковыми, Плюшкиными, Ноздревыми, Собакевичами и т.д. Метафизичность зла означает, что оно изображено в нарочито концентрированном виде, рассмотрено через увеличительное стекло писательского метода. Метафизическое зло не обязательно находится во внутренней связи с той или иной социальной ролью, с общественным устройством, с национальными особенностями. Оно может проявляться в самых разнообразных условиях, в любых социальных, временных и пространственно-географических границах. Если же Гоголь - не более чем обличитель самодержавия и связанных с ним порядков,

то как объяснить тот факт, что пьеса "Ревизор" была в числе тех, которые Николай II смотрел весьма охотно и часто? [16, с. 24].

Интерпретация Гоголя исключительно как социального сатирика и реалиста, на которой основывается литературный миф о России, так или иначе суживает значение его творчества, ограничивая последнее специально российскими рамками. Как художник зла метафизического, зла не только надвременного, но и надпространственного, Гоголь может быть интересен и китайцу, и англичанину. В этом универсализм его творчества, как и творчества других русских писателей-классиков. Культурный универсализм предполагает не простое воспроизведение своей "родной", хорошо известной действительности, а умение увидеть в ней то, что имеет универсальное, общечеловеческое значение. Тогда художник обращается к глубинам души человека, где бы, в каких бы социальных условиях он ни жил, к какой бы нации ни принадлежал. Творчество универсально потому, что формирует открытость всему иному, а свое, близкое дает возможность рассматривать как бы с дистанции, не впадая в соблазн примитивного любования им только потому, что оно свое, "родное", но и не выражая рабочего согласия признавать за ним все мыслимые и немыслимые пороки.

Но что же остается в Гоголе характерно российским, характерно русским - за исключением материала, от которого он, естественно, принужден был отгалькиваться? Может быть, к нему относится исключительная острота взгляда, чуткое неприятие зла и несправедливости, отличающие гоголевские произведения, сострадание к маленькому человеку при одновременном ощущении возможной агрессивности с его стороны, т.е. все, что придает гоголевским творениям поэтическую трагичность и противоречивость? Отчетливо выражено во всей русской классической литературе отторжение того, что рассматривается в качестве отрицательного и неприемлемого. При этом ей чуждо низведение высших проявлений духа к низшим, унижающее достоинство личности и подрывающее веру в человека.

Политический миф

Еще одной структурной составляющей западного мифа о России является политический миф. Как уже отмечалось, его ядро состоит из представления о России как стране внутреннего деспотизма и внешней агрессивности.

Устойчивые представления о России как стране политического деспотизма часто связываются с якобы присущей российскому населению склонностью и даже любовью к несвободе, к рабству. Кюстин писал, что "за границей не удивляются уже любви русского народа к своему рабству" и что "весь русский народ, от мала до велика, опьянен своим рабством до потери сознания" [5, с. 429, 430]. Характерно, что западный миф о "естественной склонности" России к деспотизму целиком относит причины этой склонности к внутрироссийским факторам, не придавая значения и даже не задумываясь над возможностью внешнеполитических причин российского деспотизма. И уж конечно, в сознание западного человека с трудом укладывается мысль, что Запад сам приложил руку к торжеству столь непривлекательного в его глазах политического строя. Поэтому признания, подобные сделанному в свое время Тойнби, сравнительно редки: "Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из тех тяжелых факторов, что побудили Россию подчиниться <...> игу коренной власти в Москве, ценой самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить. Не случайно, что это новое правление возникло именно в Москве, ибо Москва была форпостом на пути возможной очередной западной агрессии... Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако <...> русские научились терпеть ее <...> оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями" [10, с. 157, 158].

Резкие суждения, характерные как для западных авторов, так и для многих отечественных, о якобы неискоренимой тяге России к деспотической организации обусловлены, в частности, романтическим представлением о том, что метафизическая сущ-

ность Запада, и только его, состоит в стремлении к свободе. Начиная с первой трети XIX века "различия между Россией и Западом чаще всего обобщенно определялись по Гегелю и Ранке, заявлявшим, что "история романо-германской Европы была историей свобод". "Такая точка зрения оставляла на долю России прозябание в ее азиатских степях", - отмечает американский исследователь Малиа [4. с. 421]. С появлением и укреплением идущего от Гегеля и ряда других авторов представления о романо-германском мире как единственном бастионе свободы убеждение в российской любви к состоянию несвободы нашло теоретическую основу и со временем приобрело силу неоспоримого стереотипа. С его позиций Россия, как и другие страны незападного мира, представлялись заведомо неспособными породить самостоятельный, не привнесенный, а внутренний импульс к свободе: движение к свободе стало мыслиться не иначе, как движение по западному пути. В какой мере справедлив этот стереотип, нелегко судить и сегодня. Во всяком случае, современной России еще только предстоит по-настоящему подтвердить, насколько важен для нее самостоятельный, т.е. не пришедший извне, а собственный импульс к свободе, а значит, решить, в состоянии ли она развиваться по демократическому пути без того, чтобы быть постоянно стимулируемой к этому со стороны Запада.

Отмечу, что западный миф о России как целое, т.е. взятый в единстве его бытовой, литературной и политической составляющих, расцвечен множеством деталей российской истории, вырванных из ее контекста. Так, любой западный студент знает, что Петр Первый любил рвать зубы своим подданным, Иван Грозный убил своего сына (к тому же за неимением более адекватного термина в английском языке "грозный" звучит скорее как "ужасный"), у Екатерины Второй было множество любовников и т.д. Перемешанные с представлениями о российском климате, морозной и снежной зиме, неаккуратностью и необустроенностью российского быта, с представлениями литературного и политического характера о деспотизме, рабстве и т.д.. с непонятными для западного человека идеями и образами русского православия эти детали способны выстроиться в картину, которую никак не назовешь привлекательной. Она ярко запечатлена в одном из стихотворений И. Бродского. Вслед за Елистратовым приведу это стихотворение, заметив вместе с тем, что в нем выражен лишь один из полюсов мифа, о котором идет речь. Есть и другой, противоположный полюс, о чем я скажу ниже.

Холуй трясется, раб хохочет,
Палач свою секиру точит.
Тиран кромсает каплуна,
Сверкает зимняя луна.
Се вид Отечества, гравюра,
На лежаке - Солдат и Дура.
Старуха чешет мертвый бок,
Се вид Отечества, лубок.
Собака лает, ветер носит,
Борис у Глеба в морду просит.
Кружатся пары на балу,
В прихожей - куча на полу.
Луна сверкает, зренье муча,
Под ней, как мозг отдельный, туча...
Пускай художник, паразит,
Другой пейзаж изобразит [11, с. 18].

Будучи относительно целостной системой, всякий миф в то же время противоречив. Он нередко включает в себя противоположные представления, которые в явном виде не вступают в противоречия друг с другом потому, что разнесены по различным частям общей картины, непосредственно не сталкиваются между собой. В западном мифе о России можно выделить комплекс представлений, вызывающих не отрицатель-

ные, а положительные эмоции и даже выражающие восторг западного человека перед российским образом жизни. Они, в частности, выражают тоску человека западного мира по романтике бытия, по карнавальности, необычности, экзотичности.

Российская жизнь разительно отличается от благоустроенной, размеренной, требующей расчета и рациональности жизни на Западе. Чтобы вырваться из плена повседневной размеренности, западные люди издавна устраивают карнавалы. Живущий в России в специально устраиваемых карнавалах не нуждается: карнавальна сама жизнь, способная в любой момент принести самые неожиданные сюрпризы. Наблюдая российскую жизнь издалека или во время кратких поездок, западный человек не может не поражаться ее наполненности, странности, разнообразию и непредсказуемости по сравнению с воспринимаемой им как рутина жизнью собственной. Это способно вызвать нечто, похожее на зависть с известной долей восторга, ярко выраженную в словах литературного героя английского писателя: "Ах эти русские, как увлекательна их жизнь!".

5. Нужно ли прислушиваться к западным критикам России?

Один из крупнейших западных специалистов по России, посвятивший свои труды ее изучению в предреволюционный период, англичанин М. Бэринг, отмечал, что придирчивый взгляд обнаружит в российской реальности много недостатков. Указание на недостатки, однако, не умаляет достоинств. Бэринг сравнивает того, кто берет на себя миссию придирчивого и въедливого критика, с "адвокатом дьявола" - так называется в католической церкви лицо, которому поручено перечислять недостатки канонизируемого святого. Благожелательность по отношению к России побуждает Бэринга в одном из разделов своей книги мысленно стать на позицию такого "адвоката дьявола". Думается, что весьма полезно и сегодня познакомиться с тем, как видятся недостатки России тем западным авторам, которые, не довольствуясь коллективным мифом, посвятили немало времени изучению России и не скрывают своего в целом благожелательного к ней отношения.

"Россия - страна с неприятным климатом - сухое лето, дающее ненадежный урожай, иногда ведущий к голоду, невыносимо долгая зима, сырая нездоровая весна и еще более нездоровая осень; страна <...> где почти нет хороших дорог, провинциальные города - разросшиеся деревни, грязные, приземистые, скучные, лишённые естественной красоты и не украшенные искусством; страна, в которой внутренние пути сообщения вне больших железнодорожных линий сложны и плохи; ...где издержки на жизнь велики и не пропорциональны качеству доставляемых продуктов; где работа - дорогая, плохая и медленная; где гигиенические условия жизни очень плохи; ...где бедные люди - отсталые и невежественные, а средний класс - беспечный и неряшливый; ...где все формы деловой жизни громоздки и обременены канцелярской волокитой; где взятка - необходимый прием в деловой и административной жизни; страна, отягощенная множеством чиновников, которые в общем ленивы, подкупны и некомпетентны; ...страна плохого управления; страна, где есть всякое попустительство и нет закона; где всякий действует, не принимая во внимание соседа; ...страна крайностей, нравственной распущенности и экстравагантного потворства самому себе; народ без держания себя в руках и самодисциплины; народ, все порицающий, все критикующий и никогда не действующий; народ, ревнивый ко всему и ко всем, кто выходит из строя и поднимается выше среднего уровня; смотрящий с подозрением на всякую индивидуальную оригинальность и отличие; ...народ, имеющий все недостатки Востока и не имеющий ни одной из его суровых добродетелей, его достоинства и внутренней дисциплины; нация ни к чему не годных бунтовщиков под руководством подлиз-чиновников; страна, где стоящие у власти живут в постоянном страхе; ...страна неограниченных возможностей..." (цит. по [17, с. 79, 80]).

Конечно, каждому тезису приведенного высказывания можно противопоставить контртезис или найти опровергающий пример. Именно так и поступает цитируемый

автор, признающийся в своей любви к России и в уважительном отношении к ее народу. Он говорит о красоте русской природы, о трогательности и задушевности русской песни и поэзии, искренности и простоте общения и многом другом, что привлекает и покоряет. Однако очевидно, что мы не должны оставить без внимания и подмеченные недостатки, о которых с горечью и болью говорят серьезные зарубежные авторы, поскольку знание слабостей позволяет целенаправленно работать над их устранением. Тому, кто верит в собственные силы, "адвокат дьявола" не страшен. Напротив, его критическая вездливость только помогает движению вперед.

Нельзя не признать, что многие из критических замечаний Бэринга не утратили своего значения и до сих пор. Это лишний раз свидетельствует о том, что отнюдь не все в особенностях бытия той или иной страны определяется общественно-политической системой. Об этом же свидетельствует и тот факт, что нередко люди, разделенные между собой столетиями и наблюдавшие Россию при резко различных общественно-политических порядках, подмечают в российской жизни одни и те же недостатки. Устойчивость ряда характерных пороков российской жизни не следует использовать для их оправдания. Их сохранность на протяжении большого исторического времени объясняется факторами длительного действия.

Условия относительной изоляции России, неисчерпаемость (на том этапе) природных и людских ресурсов и ряд других факторов долгое время позволяли России существовать и даже одерживать верх над соперниками. Сегодня действие этих факторов следует считать исчерпанным. Поэтому для того, чтобы в современных условиях если не одержать верх, то хотя бы выжить, необходимы новые подходы, существенно отличные от тех, что казались естественными еще вчера. В частности, нельзя смириться с пороками только потому, что их история уходит в глубь веков. Обратим внимание на некоторые из тех недостатков, которые отмечены в работах иностранных авторов. Замечу, что отнюдь не всегда критику со стороны зарубежных авторов следует принимать буквально и всерьез; но и оставлять ее без внимания было бы неверным.

Известно, что западный человек ориентирован на индивидуальность, оригинальность, самостоятельность. Таково вообще ставшее широко известным свойство западной культуры, одна из ее специфических черт. Человек, воспитанный в ее традициях, привык высоко оценивать проявления самостоятельности и творчества. Напротив, его неприятно поражают проявления несамостоятельности, неоригинальности, подражательства. Именно *подражательство* является одной из черт, с удивительным постоянством отмечаемой западными наблюдателями России в качестве отрицательной. Так, голландский путешественник Ф. Гагерн на заявление русского генерала о том, что народу России присущ "гений подражания", с удивлением и иронией замечает про себя, что это некий неизвестный, "новый совсем род гениальности!" [5, с. 686]. Еще более определенно высказывается Кюстин, на протяжении своего повествования обращающийся к теме подражательства неоднократно. "Я не осуждаю русских за то, каковы они, - пишет он, - но я порицаю их за притязание казаться теми же, что и мы. Они еще совершенно некультурны. Это не лишало бы их надежды стать таковыми, если бы они не были поглощены желанием по-обезьяньи подражать другим нациям, смеивая в то же время, как обезьяны, тех, кому они подражают" [5, с. 449, 450].

Возмущение иностранцев вызывают не переимчивость, не умение учиться у других, а слепое копирование, заимствование внешних форм, бездумное и неосмысленное подражание. По мнению Кюстина, подражательство Западу скрывает неприязнь к нему: "Я убедился, что русские относятся к нам иронически и неприязненно. Они нас ненавидят, как всякий подражатель того, кого он копирует" [5, с. 557]. Очевидно, что в XVIII-XIX веках подражательство Западу захватило немалую часть высшего дворянского общества. В этом смысле мнения западных наблюдателей совпадают с наблюдениями отечественных авторов той эпохи. Так, один из героев комедии Д. Фонвизина "Бригадир" заявляет: "Тело мое принадлежит России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской". А. Хомяков, критикуя часть отече-

ственного дворянства за его пристрастие к внешним формам западной жизни, называл такое пристрастие "европейничанием".

Если в прошлом болезнь поверхностного подражательства захватывала лишь высшие классы российского общества, то сегодня она поистине не знает социально-классовых барьеров, получив всеобщее распространение. Излишне доказывать, что поверхностная подражательность препятствует подлинному усвоению западной культуры, ибо подражатель не видит в западном образе жизни ничего, кроме "сникерсов", развязности, гангстеризма и т.п. Тот факт, что комфортность западной жизни обеспечена высочайшей техникой мышления, длительным и преемственным развитием богатейшей культуры, для него остается скрытым и непонятным. Не случайно подражатель (в отличие от вдумчивого ученика), как правило, превосходит отрицательные черты того, кому подражает, доводя его недостатки до самого предела, до самых крайних форм.

Любопытное наблюдение сделал в апреле 1917 года Д. Бьюкенен: "Неспособность русских к дружной совместной работе даже тогда, когда на карте стоит судьба их родины, достигает степени почти национального дефекта. Как сказал мне однажды один из русских государственных деятелей, когда дюжина русских собирается за столом для обсуждения какого-нибудь важного вопроса, то они будут говорить целыми часами, а в заключение рассорятся друг с другом..." [18, с. 142].

Вообще говоря, индивидуализм западного мировоззрения каким-то удивительным образом сочетается с коллективизмом действия. У нас же дело нередко обстоит строго наоборот: декларации о единстве, "соборности", коллективизме и т.п. остаются декларациями, в то время как способность к совместному действию крайне низка, если, конечно, речь идет о действии добровольном, а не принудительном, не по указанию "сверху". Неумение действовать продуманно и совместно - не только интеллигентская черта. Г. Успенский привел замечательный пример из современной ему народной жизни. В очерке "Общий взгляд на крестьянскую жизнь" на вопрос о том, почему бы крестьянам сообща всей деревней не засыпать небольшое болото, крайне мешавшее вывозу сена, крестьянин Ермолаич ответил автору: "Захотели вы с нашим народом! Нешто наш народ присогласишь?" (цит. по [17, с. 52]). Не нужно специально доказывать, что и в современной России "присогласить" кого-либо к сплоченной работе очень непросто.

Не секрет, что постсоветская Россия явила мировому сообществу поистине обескураживающее зрелище. Надежды доброжелательных по отношению к России представителей западного общественного мнения на то, что, сбросив тоталитарные оковы, страна ускоро пойдет по пути духовного и культурного возрождения, не оправдались. Многие западные авторы видят причину сложившегося положения в том, что у власти фактически осталась та же номенклатура, лишь поменявшая лозунги с коммунистических на "демократические", но в своей основе оставшаяся такой же черствой, бескультурной и эгоистичной, какой была всегда. Эту точку зрения в обстоятельной книге с показательным названием "Обманутая Россия: провалившаяся демократия Ельцина" отстаивает, например, немецкий журналист Д. Загер [19]. Особую ответственность за неудачи реформ автор возлагает на руководство России. Думается, что в номенклатурном происхождении нынешних российских руководителей состоит только один аспект проблемы. В связи с современной российской ситуацией можно, в частности, вспомнить соображение, высказанное в свое время Х. Ортегой-и-Гассетом.

Испанский мыслитель писал, что при всех различиях Испанию и Россию "сближает то, что обе страны оказались населены расой-народом, иначе говоря, они всегда испытывали недостаток в выдающихся личностях. Славяне - могучее народное тело, над которым едва подрагивает крошечная детская головка. Разумеется, некое избранное меньшинство имело положительное влияние на жизнь русских, но по малочисленности ему так и не удалось справиться с необъятной народной плазмой. Вот откуда аморфность, расплывчатость, закоренелый примитивизм русских людей" [20, с. 80]. Слова известного испанского автора можно истолковать в том смысле, что высокие

гуманистические идеалы русской культуры и прежде всего великой русской литературы не проникли в души значительной массы населения, не затронули, не преобразили их. В этом смысле наглядной иллюстрацией к высказыванию Ортеги-и-Гассета может служить запись Розанова о его беседе с крестьянином в 1918 году. Весьма "положительный", серьезный на вид и немолодой крестьянин поразил Розанова своими предложениями относительно методов, какими следовало расправляться с противниками: но его мнению, нужно с живых сдирать с них кожу и выделывать из нее ремни. Записывая этот эпизод, Розанов с горькой иронией восклицает: "Вот тебе и Толстой, вот тебе и Достоевский!.." [21, с. 469].

Сегодня, наблюдая за тем, как люди, называющие себя "демократами", ради сохранения своей власти и привилегий, готовы пустить по миру огромные массы людей, лишив их элементарных средств к существованию, как так называемые "новые русские" (в которых нет ничего "нового" и ничего "русского", ибо алчность и стремление к наживе - вечные пороки человечества) вцепляются друг другу в глотку, чтобы захватить кусок пожирней, с какой циничной легкостью принимаются решения, стоящие жизни тысячам людей, и как никто не несет за это ответственности, не говоря уже об угрызениях совести, - подобно Розанову хочется с горечью воскликнуть: «Вот тебе и Толстой, вот тебе и Достоевский, вот тебе и "слезинка ребенка"!..».

Невозможно смириться с тем, что нынешняя неприглядность России станет ее окончательным образом. Думается, однако, что у российского общества найдется достаточно культурных сил, чтобы избавиться от поголовного увлечения поверхностным подражателем, научиться в нужных случаях действовать совместно и сплоченно, оставляя в стороне различия и разногласия, относиться к жизни и достоинству человека как к высочайшей ценности - как взывают к тому великие образцы отечественной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
3. Гегель Г. Работы разных лет. В 2-х т. М., 1976. Т. 2.
4. В раздумьях о России. XIX век. М., 1996.
5. Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. М., 1990.
6. Ильин И. Наши задачи. М., 1992.
7. Мамонова М.А. Запад и Восток: традиции и новации рациональности мышления. М., 1991.
8. Buckle H. History of Civilization in England. London, 1858.
9. Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
10. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1995.
11. Елистратов В.С. Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом) // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 1. М., 1992.
12. Солоневич И. Народная монархия. М., 1991.
13. Бердяев Н. Дух русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991.
14. Розанов В.В. Сочинения. М., 1990.
15. Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992.
16. Ферро М. Николай II. М., 1991.
17. Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 1990. Кн. 2.
18. Российская провинция. 1995. № 6.
19. Загер Д. Обманутая Россия: провалившаяся демократия Ельцина (б.м.). 1997.
20. Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1994.
21. Розанов В. Апокалипсис нашего времени // Сочинения. Л., 1990.